КРОКОДИЛ

№ 28 МОСКВА 30 АВГУСТА 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

Рис. Л. Сойфертиса

УРОК ЯПОНЦАМ

— Что такое остров?

— Капитулировавшая часть суши, окружённая со всех сторон противником.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ТОКИО. Тотчас же после японского заявления о капитуляции нашему корреспонденту удалось попасть на токийский телеграф, где он имел возможность ознакомиться с только что сданными телеграммами. Первая телеграмма гласила: «Довольно! Не надо! Согласен! Микадо». Вторая телеграмма, поданная адъютантом военного министра, адресована морскому министру: «Анами сделана харакири. А вами?»

АНКАРА. Окрылённый военными успехами Гитлера и микадо, турецкий журналист Джахид Ялчин призывает к новой войне против СССР. Третья война, как утверждают авторитетные круги, требуется Ялчину для того, чтобы, наконец, занять подобающее место в списке военных преступников, так как в нынешние списки ему попасть не удаётся, как он ни старается.

АФИНЫ. Премьер-министр Греции Вулгарис, посовещавшись с министром внутренних дел Вулгарисом, с министром иностранных дел Вулгарисом, с министром морского флота Вулгарисом и с министром авиации Вулгарисом, пришёл к заключению, что проводимая его кабинетом реакционная политика совершенно правильна. Греки, не разделяющие этого заключения, подвергаются заключению на продолжительные сроки.

МЕКСИКО. Автор антисоветских небылиц, сотрудник мексиканского профашистского журнала «Тодо», Канту Корро заявил: «Пока мне не отрежут язык, я буду говорить, и пока у меня есть руки, я буду писать». О голове, как таковой, Корро не упомянул, так как эта мелкая деталь в его творческом процессе не играет никакой роли.

ОБИДНО-ДОСАДНО...

Рис. Бор. Ефимова

ФРАНКО: — Какой удар! И откуда? Из Берлина!..

Гитлер в халате

(ПОЛУФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА)

Согласно принципу «Хакко-ициу», все стороны света должны находиться под скипетром микадо. Японский императорский род ведёт своё происхождение от богини солнца Аматерасу О-миками. Ямато — раса богочеловеков, возглавляемая императором-божеством, стоит неизмеримо выше всех других народов мира и должна владычествовать над всей землёй.

(Из японских школьных учебников.)

I

С той поры, как сгинул Гитлер,
Злой упырь средневековья,
Ходит много всяких слухов
О плохом его конце.

Врут построчно и поштучно,
Телеграфно и по почте
Вездесущие спецкоры
Херста, Кормика и К°.

Тот узнал его в Мадриде
Под плащом торреадора,
Этот видывал в Севилье,
Наряжённого быком.

Ну, а третий врёт, что фюрер
Записался в патагонцы
И продел кольцо сквозь ноздри
(Что весьма ему к лицу).

Те твердят, что Гитлер помер,
В брак вступив скоропостижно
С закатившейся «звездою»
Профашистского кино.

Ну, а эти утверждают,
Что, утратив рай фашистский,
Он бежал в подводной лодке
Со своею Евой Браун;

Что в живом иль мёртвом виде,
Но плывут молодожёны
В неизвестном направленьи,
К неизвестным берегам.

II

Их рейс мне рисуется вот как:
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Несётся подводная лодка
(Для рифмы — «на всех
парусах»!)

Не видно... Читатель, хоть
плачь ты,
Но ты не увидишь, как встарь,
В каком положении мачты
И весь судовой инвентарь!

Не слышно... А впрочем, чуть
слышно
Доходит немецкая речь:
Мол, выглядит лодка
не пышно —
Пробоины... вмятины... течь;

Мол, в море — и рыбы и мины,
И свадебный ужин-де плох,
И нет-де особой причины
В честь брака выкрикивать
«гох».

... Но кончился рейс! Пролетело
Два месяца кратких — и вот
К японскому берегу смело
Подводный корабль пристаёт.

И фюрер во всём бесподобьи
Выходит. Он чуть бледноват.
На нём, вместо пояса, «оби»
И пёстрый японский халат.

Он верит в себя, как когда-то,
Он видит «свой верный народ»—
Он снова средь расы Ямато,
Божественной «расы господ».

Он жмёт «соплеменникам» руки,
Он взорами ищет средь них
Араки, Минами, Судзуки
И прочих и прочих своих.

Он просит:—Позвать их скорее!
Он чует, что дело «нихт гут».
— Они — на Хингане...
В Корее...
Сейчас они будут! Бегут!..

— А Того?
— Он занят немного...
Уехал на час иль на два.
Нам, фюрер, сдаётся, что Того
Сегодня сдаёт острова!

И фюрер в испуге, чуть
скрытом,
Вихор опускает на грудь
И, топнув о землю копытом,
В подводный пускается путь.

III

Знаю: фюрерово тело,
Верно, где-нибудь истлело
(Или — нет, — одно из двух),
Но живёт в японском теле
(Чуть живёт... ну, еле-еле)
Скверный гитлеровский дух.

Знаем, фрау Аматерасу,
Вашу «солнечную расу»
С чёрной свастикой на лбу!
Родич Гитлера и солнца
Вздумал почерком японца
Дописать «Мою борьбу».

Знаем всё: и стиль, и метод,
И финал. «Соавтор» этот
Всё отдал и, налегке
Удирая во свояси,
Закричал «капутуяси!» —
На японском языке!..

Эмиль КРОТКИЙ

Под уютной Главкровлей

ПРОИСХОДИЛИ такие разговоры:

— Ну, как дела?

— Плохо, товарищ директор. Ни одного процента брака. Очень плохо, хуже быть не может.

— Да... Вижу я, что ты, как начальник цеха, не справляешься с работой.

— Виноват, товарищ директор. Виноват. Но что я могу поделать? Кадры подводят. Главное, кадры. А у меня такие кадры, сами знаете, один лучше другого.

— Но ты должен возглавить. Ты не плетись в хвосте передовых настроений. Ты обязан обеспечить повышение брака.

— Постараюсь. Но...

— Без всяких «но». Без всяких ссылок на объективные причины. Главное, не полагаться на самотёк в этом вопросе.

— Ночей не буду спать, а постараюсь исправить свои ошибки на практической работе.

— Ты пойми: безбрачие лимитирует нас, режет без ножа. Бери пример с отстающих цехов — там уж это дело налажено. Там на сегодняшний день мы имеем тенденцию к планомерному росту недоброкачественной продукции. А что у тебя?

— У меня не те кадры, товарищ директор. Их точит честность и заедает энтузиазм.

— А ты не потворствуй. А то лишу тебя премии — вот и будешь знать..

* * *

Происходили ли такие разговоры? По всей вероятности, происходили. В этом убеждает один из приказов по Наркомату промышленности строительных материалов СССР.

«Такое положение привело к тому, что директор завода Загреков П. В. был заинтересован в получении большого количества брака...»

Что это такое — опечатка, сделанная рукой рассеянной машинистки, или дурной сон?

Завод. Директор. Заинтересован.

Сначала всё на месте. Всё правильно.

Дальше тоже как будто всё благополучно. Директор заинтересован: В получении большего количества.

Правильно! Всякий уважающий себя директор заинтересован в получении большего количества... сырья, фабрикатов.

Но оказывается, что Загреков — особенный директор. Он заинтересован в получении большего количества...

Брака!!!

И вновь возникает недоуменный вопрос:

— Что это — опечатка или дурной сон?

В ответ на этот вопрос следует ряд фраз, оканчивающихся словами «но факт».

— Невероятно, но факт.

— Печально, но факт.

* * *

А факт таков.

В системе Наркомата промышленности строительных материалов живёт и в ус себе не дует Главкровля.

В системе Главкровли приютился толерубероидный завод в городе Куйбышеве.

А директор этого завода Загреков П. В. завёл себе такую систему: расплачиваться с другими организациями не деньгами (финансовая дисциплина!), а продукцией своего завода.

Но хорошей продукцией — нельзя: это называется разбазариванием.

А бракованной можно: это называется использованием внутренних ресурсов.

Вот на эти ресурсы и стал, не стесняясь, налегать Загреков. Чем больше брака, тем веселее жил директор.

А в Главкровле ничего этого не замечали. И долго под уютной Главкровлей так прохлаждался Загреков, пока Госконтроль не заинтересовался его брачными отношениями с другими организациями.

Вот нас сейчас и занимает вопрос: а как обстоит дело в Главкрыше, Главчердаке, Главлестнице, Главфорточке, Главкалитке?

Если и там завелись Загрековы, как бы они не вылетели в Главтрубу...

Г. РЫКЛИН

ПО ПЛАТЬЮ ВСТРЕЧАЮТ, ПО УМУ ПРОВОЖАЮТ

Он шляпой был. Хоть с ним едва-едва
Я шапочно знаком, но мне понятно,
Что трудится спустя он рукава
И к делу он относится халатно.

Хотя и слыл рубахой-парнем он,
Но по вопросу о головотяпе
Советский наш хороший учит тон,
Что нужно шляпу снять и... дело в шляпе.

В. ДЫХОВИЧНЫЙ

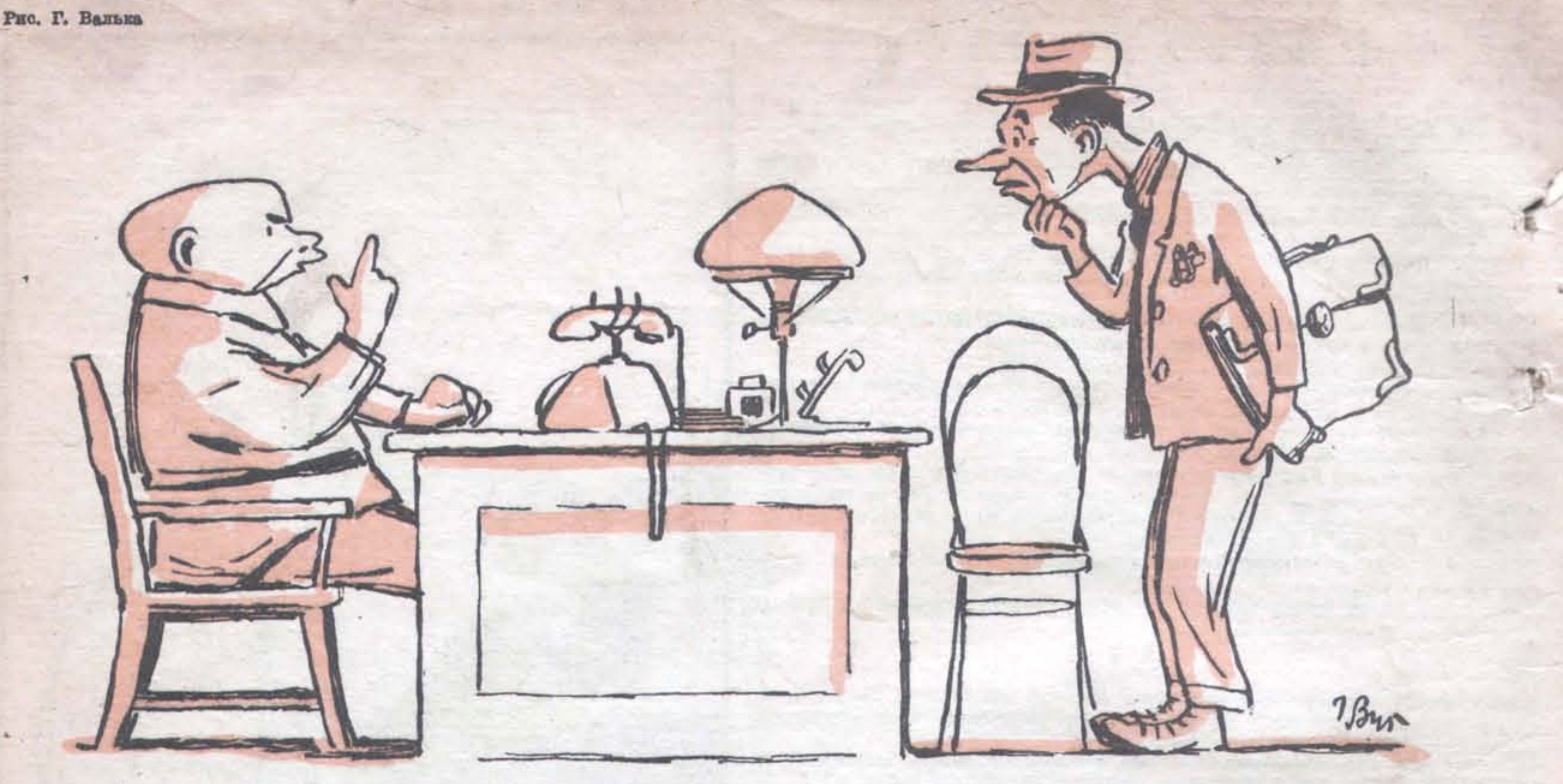
НЕ БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ

Рис. В. Горяева

— Скажите, кто написал «Что делать?»
— Не знаю, товарищ профессор.
— А — «Кто виноват»?
— Конечно, я сама.

Рис. Г. Валька

— Русским языком вам говорят: здесь не райпромторгин, а облкустпромторг.

Озорник

МНЕ, знаете, семьдесят пять лет, но мне, больше семидесяти четырёх никто не даёт. А сам я дворник. Пятьдесят восемь годков при нашем доме состою. Могу сказать, этот дом у меня на руках вырос. Когда я поступил, было в нём полтора этажа. А теперь, будьте любезны, пять этажей, да гараж во дворе, да озеленение....

Ну, и меня, как я поступил, кликали всё больше Егоркой. А теперь вон величают: «Дедушка Егор Васильевич».

И царизм здесь пережил и в семнадцатом году из чердака юнкеров выкуривал. А как немец над Москвой летал, то на крышу лазил я, чтобы бомбы, значит, до нашего дома не допускать! Правда, пугасные бомбы, они наш дом сами избегали. А вот этих, обжигательных, я самолично четырнадцать штук в кадушке утопил, как щенят. И мне председатель нашего райсовета товарищ Трифонов сказал:

— Тебя, Егор Васильевич, надо взять на учёт, как памятник московской старины, наравне с царь-пушкой или царь-колоколом. В общем ты у нас есть царь-дворник...

И, можете представить, вот такого меня на той неделе судили народным судом! За что? За хулиганство. И главное, правильно судили...

Да... Суд вышел, говорит:

— Слушается дело по обвинению в хулиганстве гражданина Хухрикова Егора Васильевича. Обвиняемый здесь?

Я говорю:

— Я обвиняемый. И признаюсь, что действительно, да, виноватый.

Сколько народу ни было, все закачались. Кто-то говорит:

— В первый раз вижу такого престарелого хулигана...

А ещё один поддаёт:

— Не иначе этот старикашка со своим правнуком на трамвайных буферах катался...

Судья успокоил народ, говорит мне:

— Расскажите чистосердечно, как было дело.

Я суду объяснил, что вот и вам... А потом дальше:

— Проживает, говорю, у нас в доме одна гражданка. Я ещё её вот этакой вот девчушкой помню. Всегда была такая ласковая девочка, из себя черноглазая, тихая... Зимой, бывало, вытащит салазки, скажет:

— Дедушка Егор, дай я тебе подсоблю снег с улицы вывозить.

И как ребёнок была симпатичная, так и взрослая сделалась полностью хорошая женщина. Вышла замуж, и муж ей попался тоже ласковый, культурный товарищ. Инженер. И так хорошо жили: бывало, всё подручку ходили. Ухом к уху прижмутся находу, а ноги врозь топают.

Да. А вот о прошлом годе мужа-то начальство возьми да пошли куда-то за Урал. Да кабы насовсем,— он бы и её с собой взял... А то нет. Таня наша — её Татьяной Александровной зовут — тут, а он тама... Ну, провожала она мужа, так плакала — у меня вчуже в носу свербило. Он уехал — она похудела, если наглаз прикинуть, кило на пять. И так себя скромно соблюдает... Не то, что вон из семнадцатого номера вертихвостка эта — ну, Распопова. Та уж опять седьмого мужа из комнаты судом выселяет. Как вечер, эта Распопова вся разоденется: платье шёлковое в цветочках, чулки такие, ровно их и вовсе нет, коленки наружу, лицо намазанное, как всё равно бутенброть с красной икрой, и кудри по всей голове, как торт, ей-богу!..

А что к этой Распоповой гостей ходит — всё, значить, мужского полу... Моя старуха взялась было считать, да на тридцать четвёртом гаврике сбилась...

А к Татьяне Александровне никто не ходил. Только и знает в почтовый ящик письма пихать: мужу, значить...

И вдруг недавно я тут дежурю вечером, смотрю: идёт наша Татьяна Александровна вдвоём. С мужчиной. Думаю: муж приехал!.. Ан, нет: идут не подручку, а дружка к дружке издаля. Подошли они поближе, ну, рассмотрел я его...

Нет, он мне сразу не понравился... Уж одно то — усишки на нём эти нынешние: к носу подбрито, к губе подстрижено, а посерёдке будто червяк заполз. Штаны на нём такой ширины, ровно он их утром с бегемота снял, а вечером на себя надел. В плечах это ваты — хорошему госпиталю на месяц хватит! Штиблеты — ну, что твой пожарный автомобиль: и на резиновом ходу, и красные, на каждом шагу гудок дают.

Подошли они, стало быть, Татьяна Александровна говорит:

— Ну, вот... тут я и живу...

А он:

— Разрешите, — говорит, — вас доставить в самую квартиру.

А она:

— Нету, — говорит, — надобности. Пока...

Ну, поцеловал он ей руку и ушёл. А мне чего-то грустно сделалось. Взошёл я к себе в полуподвал, старухи моей, гляжу, тоже дома нет... И только она вернулась с пустым помойным ведром, я ка-ак гаркну:

— Где ты шляешься?

Старуха аж рот разинула. Она говорит:

— Ой, Егор Васильевич, я уж отвыкла, ты меня уж лет сорок не ревновал!..

Да... А на другой день под вечер, акурат, я поливаю улицу, смотрю: опять он идёт. Этот вчерашний. И ещё меня нахально спрашивает:

— Дворник, где здесь четвёртая квартира?

А в четвёртой квартире Татьяна Александровна живёт.

Я говорю ему, не прекращая поливки:

— Со двора налево пятый этаж.

Это, чтобы он прогулялся зазря на пятый этаж.

Он повернул во двор, штаны на нём белые, утюженные, идёт враскачку. Да... А тут я нечаянно брандспойтом двинул чуть-чуть, струято возьми и попади ему по рукаву и по одной штанине...

Он остановился, кричит:

— Ты что, старый негодяй, делаешь?! Я тебя сейчас ударю, от тебя мокрое место останется!..

А я думаю: «Ладно! Какое от меня будет мокрое место, ещё не известно. А ты-то уж наполовину мокрый!..»

Но сам говорю:

— Извиняюсь, гражданин, оно нечаянно получилось...

Гляжу: он потряс рукавчик, штаны потёр и пошёл со двора: ещё бы! Куда ж ему по гостям ходить в таком жидком состоянии?

На другой день я опять поливаю, а он опять идёт. То есть не идёт, а крадётся, подлец, хочет меня обойти сзади. А мне уж ребятишки кричат, с нашего двора которые:

— Дедушка Егор, которого ты вчера окатил, вон он!..

Я повернулся, гляжу: он шагает, в руках сладкое вино да цветочки... Ну, и мне тут прямо, как вожжа под хвост: ка-ак рвану по нём всей струёй... Он меня и обругать хочет и не может: захлёбывается... Только я слышу...

— Яа... тебяа... аа...

Народ видит: человек на суше стал тонуть. Собирается вокруг.

А он как кинулся бежать... А я за ним — ну, прямо будто кто мне велит его догнать.

Да ему-то легко бежать. А меня кишка не пускает: двадцать пять метров волоку за собой. Но зато бьёт она, конечно, далеко вперёд... Я струю пустил вдогонку, а он вбок сиганул. И я струю вбок. Он—в другую сторону... Я—тоже туда... Человек двадцать обласкал я своей водицей.

А уж толпа собралась. Кишку заткнули и меня держат под грудки. Народ и ругается и смеётся. А мне совестно сделалось. Всё-таки в мои годы не полагается так.

Между прочим, Татьяна Александровна тоже прибежала. И тоже она смеётся. Я спрашиваю:

— Вы это чего?

Она говорит:

— Очень уж потешно он штаны выжимает. Как прачка!

Ну, присудили меня условно, поскольку вину я признал и заявил суду, что хулиганничать больше не собираюсь. Но штраф наложили: сто пятьдесят рублей. Граждане, которые слушали дело, говорят:

— Хотя поступил ты, папаша, не по закону, но цель у тебя была правильная.

А один гражданин отозвал меня в сторону, говорит:

— Я сам уезжаю в командировку... Так не перейдёшь ли, отец, в наше домоуправление?

В. АРДОВ

Как самому?..

...НАПИСАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПЬЕСУ

Стать автором исторической пьесы гораздо легче, чем думают. Надо только для этого отказаться от широко распространённого предрассудка, что исторические пьесы пишутся только на сюжеты из далёкого прошлого.

Наоборот! Вы берёте самый злободневный, современный сюжет, облекаете его в свою или чужую драматургическую форму и, сначала написав пьесу, лишь затем переписываете её на машинке. Оригинал пьесы (а если она неоригинальна, то копию) вы посылаете: 1) в реперт-ком, 2) в Комитет по делам искусств и 3—7) одновременно в пять ведущих театров.

Разрешение реперткома не заставляет себя долго ждать, а через какие-нибудь несколько лет вы получаете ответ и от пяти ведущих режиссёров. Все они ведут с вами очень любезный разговор, сообщают, что пьеса им понравилась ещё при первом чтении и если не включена в репертуарный план на ближайшее пятилетие, то только потому, что за годы обсуждения её достоинств утратила свою злободневность и представляет теперь чисто исторический интерес.

Так, неожиданно для себя, вы становитесь автором исторической пьесы.

...НАПИТЬСЯ ГАЗИРОВАННОЙ ВОДЫ

Любители шипучей газированной воды жалуются, что её не всегда можно сыскать. Между тем при известной находчивости напиться шипучей воды можно в любом киоске.

Техника этого очень несложна.

Получив из рук продавщицы стакан воды и после первого же глотка обнаружив, что она нешипучая, вы заявляете претензию. Продавщица, конечно, не снисходит до разговора с вами и только молча тычет пальцем в незамеченный вами своевременно анонсик:

«Вода негазированная».

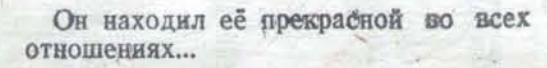
Шипя от злости, вы допиваете оплаченную вами обыкновенную водопроводную воду. При наличии некоторого воображения вам нетрудно убедить себя, что шипит вода, а не вы.

Старший консультант, кандидат разнообразных наук
Иван СТОКРАТ.

РОМАН БЮРОКРАТА

Рис. М. Черемных

Он находил её прекрасной во всех отношениях...

Неоднократно докладывал ей о своей любви...

И, сделав, наконец, рационализаторское предложение...

Потребовал от неё во всём вышеизложенном расписаться.

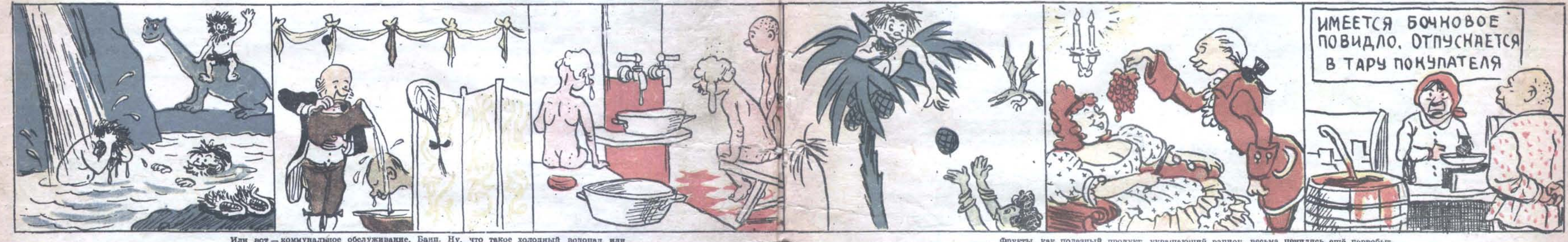
Сегодня мы решили совершить краткий экскурс в историю сервиса. Прилагаемые научные таблицы иллюстрируют эволюцию отдельных видов обслуживания от каменного века до наших дней. Естественно, что новейшие успехи науки и техники оставили далеко позади первые примитивные опыты первых примитивных работников бытового обслуживания. Однако достижения современной цивилизации в отдельных случаях используются, мы бы сказали, далеко не современно. Именно это наглядно и показывают наши таблицы.

Рис. И. Семёнова

Возьмём хотя бы транспорт. Сколь сложным было укрощение первых оленей в каменном веке! Сколь громоздкими были средневековые кареты, запряжённые четвёрками, а то и шестёрками лошадей! И как далеко ушёл от них современный троллейбус! То есть, мы хотим сказать — ушёл бы, если бы не останавливался так часто посреди пути.

А чистка одежды! Как мучительно трудно вычёсывать тяжёлым каменным гребнем сор и репей из одежды! Как долго нужно возиться бедняге лакею, чтобы вычистить примитивной щёткой камзол своего господина! И как просто решаются все вопросы, когда чистка поднята на уровень последних достижений химии: достаточно вычистить пиджак один раз — и больше никогда он уже не потребует чистки.

Или вот — коммунальное обслуживание. Бани. Ну, что такое холодный водопад или жалкая струя из кувшина по сравнению с современными мраморно-кафельными, сверкающими никелем и бронзой банями, этими роскошными комбинатами гигиены! Попав в этот дворец мытья, посетитель испытывает несказанный восторг, который несколько умеряется лишь отсутствием воды.

Фрукты, как полезный продукт, украшающий рацион, весьма ценились ещё первобытным человеком. Но какова была фруктопроводящая торговая сеть? Убожество! Как видите, совсем иначе обстоит дело в наш век пара, электричества, стеклотары и бочковых изделий.

Девушка в белом

— БИЛЕТОВ на «Пиковую даму» нету, — буркнула из окошечка кассирша.

Мухину стало скучно. Он подумал:

«Отчего это все кассирши такие высокомерные? Может быть, от постоянного соприкосновения с крупными суммами?»

В это время за его спиной прозвучал милый женский голос:

— Если хотите, у меня есть лишний билет!

Всякий другой на месте Мухина обрадовался бы, как ребёнок. Но старший лейтенант не обрадовался. Нет. Он сейчас же вспомнил одну вещь и подумал: «Стало быть, правда. И очень жаль, если правда».

Дело в том, что ему кто-то когда-то рассказывал о какой-то девушке, которая пыталась познакомиться с интересными военными именно таким образом: «Ах, у меня заболела подружка, не пропадать же билету!», «Ах, деньги за билет можете отдать в театре, в чём дело!» А в театре, сидя рядом, заводила интригующий разговор. Одним словом, предприимчивая девушка! Но как раз такие не были во вкусе старшего лейтенанта.

Он неспеша оглянулся. Перед ним стояла девушка в белом. Он даже зажмурился немного. Право, таких девушек следовало бы держать где-нибудь в музеях изящных искусств и показывать только экскурсиям, ибо одиночки сильнее подвержены всякому ошеломлению.

Но Мухин умел держать себя в руках. Он быстро справился с первым впечатлением и даже подумал: «Тем хуже. Такая красивая — и вдруг такие пошлые поступки!»

А девушка в белом сказала:

— У меня заболела подруга. Я очень спешу. Хотите, возьмите её билет?

Мухину почему-то стало обидно и за себя и за эту девушку в белом. И, чтоб она не вообразила, что он такой уж простачок и ничего не понимает, он сказал вежливо-холодно и, как ему показалось, довольно тонко:

— У меня только крупные деньги. Потрудитесь подождать, я разменяю в кассе. Или, может быть...

Девушка в белом строго свела брови и, сказав: «Хорошо, отдадите в театре», — оторвала ему билет, другой сунула обратно в сумочку и быстро вышла из вестибюля.

«Вот ведь как разболтались девчонки», — подумал Мухин. Сам он, правда, не так уж давно был мальчишкой, но даже ещё в десятом классе ему нравились только гордые и строгие девушки, думая о которых, можно было мечтать и страдать.

«Нарочно с кем-нибудь поменяюсь местами. Или буду сидеть рядом и сопеть носом, будто у меня полип. Небось, не понравится!»

Он шёл по улице и сердито напевал смешную партию гувернантки:

«Девушкам вашего кру-уга надо приличия знать...»

И внезапно нос к носу встретился с давнишним знакомым. Это был милейший капитан медицинской службы Терентий Иванович Полещук. Мухин очень обрадовался встрече, и тут же ему пришла отличная мысль:

— Терентий Иванович, душенька! Угощаю вас нынче оперой! Вот вам билет, идите и наслаждайтесь!

— А если я не хочу? Если я в опере не вижу н чего поучительного, потому что я даже слов не нимаю, оркестр проклятый шумом заглушает.

— Голубчик, «Пиковая же дама!»

— А это, по-вашему, смешно?

— Смотря, кто поёт. Иногда смешно, ино грустно. Но в общем чудесно.

Терентий Иванович был довольно старый и хитр Он прищурился и спросил:

— А, кроме «Пиковой», тут ещё какая-нибудь да не замешана?

Пришлось покаяться, и Мухин рассказал ему в историю и то, как он задумал проучить девушку в лом. Тогда Терентий Иванович обиделся не на шут

— Значит, я, по-вашему, такая образина, что ряд со мной сидеть можно только в наказанье? Тепе определённо не пойду. Давайте лучше коньяч выпьем.

— Мы после выпьем, честное слово! — взмоли Мухин.

— До. А после — само собой, — твёрдо сказал рентий Иванович.

В четверть восьмого они расстались на углу П ровки...

Терентий Иванович тщательно проверил мест удобно уселся в седьмом ряду партера.

Рядом пустовало кресло. И, когда уже померк с и голова дирижёра выросла на фоне занавеса, ряду начала торопливо пробираться женщина, по нутно извиняясь шопотом.

Женщина проверила номер кресла, странно п силась на соседа и села. Терентий Иванови смотрел в свою очередь и фыркнул в душе.

«То ли Мухин совершенно омедведел на ф то ли возле кассы было темновато. Какой же ту зей изящных искусств, когда эта дама — масто и к тому же допотопного возраста?»

Первый акт они рассеянно смотрели на сцену нет-нет взглядывали друг на друга. В антракте Терентий Иванович спросил:

— Вы, гражданка, между прочим, на своём месте?

Дама заметно обиделась:

— Я всегда и везде на своём месте. Что же касается вас, то я в этом не уверена.

— Мерси! Можете проверить.

Билеты оказались правильными. Тогда Терентий Иванович решился действовать прямиком и сказал:

— Здесь должна была сидеть красивая молодая особа, девушка в белом. Но, я извиняюсь, я ничего похожего не вижу.

К удивлению, дама не обиделась, а гордо улыбнулась и согласилась:

— Правильно, красивая. Но я несколько удивлена, товарищ старший лейтенант...

— Мерси вторично! Зачем же меня снижать в звании? — удивился Терентий Иванович. — Я даже затрудняюсь теперь: отдавать вам деньги за билет или воздержаться?

— Не в деньгах счастье! — гордо сказала дама. — Но тут, очевидно, какое-то недоразумение. Значит, это не вы?

Объясниться до конца им помешали музыка и зашипевшие соседи.

В антракте всё объяснилось.

— Вы это или не вы, — достойно сказала пожилая дама, — но я обязана высказаться. Когда вы покупали билет, у вас (или не у вас?) на лице было написано: «Пришёл, увидел, победил!» Моей дочери это не понравилось. Так что вы или не вы — это уж я не знаю — не победили. Имейте в виду. Вот это самое и просила меня передать вам моя дочка. Она послала меня на своё место, чтобы я выразила вам что-нибудь высоко моральное. Вот я и выразила всё.

— Да не может быть! — Терентий Иванович обрадовался так шумно, что на него оглянулись из передних рядов. — Представьте себе, ведь и я сижу тут, как дурень, с такой же поучительной задачей! А я до страсти не люблю учить людей! Что же касается наших офицеров, то я вам доложу, что они у нас тоже весьма славные во всех отношениях... И никаких таких «пришёл, увидел...» и в мыслях не было. Видите, какое нам удовольствие предоставили: и на сцену глядим и приятное знакомство имеем. Разрешите представиться: Терентий Иванович Полещук, капитан медицинской службы.

— Мария Филипповна! — не без обаяния улыбнулась пожилая дама.

Старший лейтенант Мухин поджидал Терентия Ивановича. На столе стояли целомудренно закупоренная бутылка коньяка и тарелочка с икрой. Он грустно дожёвывал второй бутерброд и напевал: «Прости, небесное созданье», — когда в комнату вошёл Терентий Иванович.

— Так поздно кончилось? — деланно равнодушно спросил Мухин. — Деньги отдали?

Терентий Иванович покашлял, пригладил волосы и неспеша подошёл к столу:

— Сейчас, после музыки, коньячку, да с икоркой, це! — он выпил и закусил. Мухин нервничал. — Поздно, ты говоришь? Нет, брат, не поздно. Это я провожать ходил. А деньги завтра велели отдать. На пирог приглашён, за пирогом и отдам.

Мухин даже растерялся:

— Да вы с ума сошли! Но и девчонки хороши!

— Легче про моих знакомых, — предупредил Терентий Иванович. — Нам с этой «девчонкой» вместе сто десять лет.

— Что же, значит, вам девяносто?

— А нахальничать будете, я вам вообще ничего не скажу! — спокойно сказал Терентий Иванович и начал осторожно наливать рюмку.

— Да вы на «Пиковой даме» были?

— А то где же? Куда посылали, там и был. Гром в первом действии великолепный, а в предпоследнем снег совершенно натуральный. Интересно, из чего они его делают? А в конце на меня ломберный стол произвёл прямо-таки потрясающее впечатление! Чорт-те каких размеров! Воображаю, сколько можно было просадить за таким столом! Видите, обо всём вам докладываю, значит, был.

— Я вас спрашиваю: *она* была?

Терентий Иванович молчал. Но после третьей рюмки он сжалился над Мухиным:

— Чокнемся, друг мой, за гордую молодёжь и за добрых стариков... Что бы вы без них делали, интересно знать! Ваша девушка в белом прислала свою мамашу для нравственного воздействия. Будем здоровы!

Мухин вскочил:

— Это что же получается? Старички музыку слушали, наслаждались, посмеивались, а молодые...

— А молодые не слушали, только и всего.

Мухин пробежался по комнате и остановился перед Терентием Ивановичем:

— Послушайте, Терентий Иванович, миленький! Захватите и меня завтра с собой на пирог! Я вам даже свою порцию уступлю! Я же о такой девушке всю жизнь мечтаю! Познакомьте меня, скажите обо мне что-нибудь хорошее, заслуживающее доверия! Ведь я вам как-никак культурное удовольствие доставил, на «Пиковую» сводил!

— Не знаю, — сонно сказал Терентий Иванович. — Не знаю, утро вечера мудренее. А покамест по последней, за «Пиковую даму». Или вы предпочитаете за девушку в белом? Не видал. Ничего не могу сказать.

В. КАРБОВСКАЯ

ОДНАЖДЫ...

К ВОПРОСУ О РЕЗОНАНСЕ

Однажды в саратовский театр приехал на гастроли известный артист Андреев-Бурлак.

— Резонанса нет в вашем театре, — сказал он купцу-антрепренёру.

— Помилуйте, господин артист, всё, кажись, как следует...

— Я вам повторяю: нет у вас резонанса!

— Да коли он вам нужен, прикажем его доставить, чего бы он ни стоил!.. Разве мы деньги жалеем?!

ЧАРЛИ ЧАПЛИН ПОЁТ

Однажды на вечере по случаю дня своего рождения Чарли Чаплин развлекал гостей, имитируя знакомых мужчин, женщин и детей, своих слуг, помощников, секретарей, шофера. Наконец, он пропел арию из одной итальянской оперы, причём пропел её превосходно.

— Я не знал, что вы умеете так чудесно петь! — заметил один из восхищённых слушателей.

— Я вовсе не умею петь! — запротестовал Чаплин. — Я просто имитировал Карузо.

НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Рис. А. Каневского

— Вот странно: весь класс отстаёт по арифметике, а на второй год оставили только учителя.

Серьёзное лицо

КОГДА я учился в Юзовском коммерческом училище, там произошло важное событие: приехал попечитель учебного округа. Сам директор ходил по классам и выбирал учеников, которые должны были поднести попечителю «хлеб-соль». В нашем классе выбор пал на Васю Кошкина, самого тупого мальчика во всём училище.

— Болван, но с очень серьёзным лицом, — отрекомендовал его инспектор.

— Включить в делегацию, — коротко распорядился директор.

И все мы с завистью смотрели, как Васька Кошкин с важной миной подносил деревянное блюдо господину попечителю.

Впоследствии я узнал преимущество серьёзного лица не только в жизни, но и в искусстве и литературе. И все неудобства и огорчения, вызываемые юмористическим складом ума, характера и способностей.

Представьте себе, если бы старый весёлый янки Сэмюэль Клеменс (Марк Твен) вдруг воскрес, пересек океан и, приехав в Москву, вступил бы в Союз советских писателей.

— По какому разделу хотели бы вы работать? — вежливо спросят его в президиуме. — У нас есть драматургическая секция, кинематографическая подсекция, комиссия детективно-приключенческого жанра, секция сказителей, переводчиков, исторических и биографических романистов, секция научно-фантастических романов...

Тут представитель президиума остановится перевести дух, а Марк Твен поторопится вставить:

— Я хотел бы, сэр, работать в секции сатиры и юмора. Так сказать, по прямой специальности.

— К сожалению, такой секции у нас нет, — разведёт руками сэр из президиума, — не возникало творческой необходимости.

— Почему же в детективах у вас возникла творческая необходимость, а в юморе и сатире не возникла? — обидится Твен.

— Потому что союз занят серьёзной литературой, а не всякими шуточками и смешками. Правда, есть уважаемые товарищи, которые иногда грешат юмором, но уважение они получают по другой графе. Михалков и Маршак — по детскому сектору, Лебедев-Кумач — по сектору массовой песни.

— В какой же сектор мне податься? — растерянно Сэмюэль Клеменс, всю жизнь считавший себя только юмористом.

— А вы валяйте прямо в секцию авторов «малых форм». Там у нас концентрируются все отходы от большой литературы.

Большой литературой в союзе считают писателей, занятых расщеплением атомного ядра психологии своих героев.

Но и в секции «малых форм» тоже спрос лишь на серьёзные лица. Беднягу Сэма там проработают на третий день. Выяснится, что он пошляк, зубоскал, идёт на поводу и потакает.

— Взять хотя бы рассказец «Часы»! — скажет главный идеолог «малых форм». — Мелкачество! Опять о плохой работе часовых мастерских. Или эта пошлятина о хулигане, насыпавшем дробь в лягушку. Что это такое? Призыв к издевательству над лягушкой? А рассказ про глухонемого, которого не удалось рассмешить? Безобразное зубоскальство! Глухонемых надо не смешить, а лечить!

Правда, найдётся какой-нибудь сердобольный оратор, который станет призывать не бить юмориста, а исправлять его, так как юмор нужен и лёгкий жанр любят даже в Наркомате тяжёлого машиностроения.

Не легче придётся Марку Твену и в театре. Там тоже нужны только серьёзные лица. Первый же директор, принесший ему договор на пьесу, скажет:

— О кей, мистер Сэмюэль! Для нашего театра музыкальной комедии срочно нужна монументальная трагедия.

— Трагедия?!

— Да. Такого плана, как «Король Лир» или «Царь Эдип», но с куплетами и благополучным концом. Иес?

— Совсем не иес! Какой там к чорту иес! Я хочу писать комедию, а не трагедию!

Директор музыкальной комедии, нуждающийся в монументальной трагедии, схватится за голову:

— Что вы! Если хотите, чтобы в Комитете по делам искусств вас уважали, поощряли и сажали в президиум, не пишите никогда комедий!

— А я не хочу в президиум! Я хочу писать весёлые пьесы. Наверно все худруки мечтают об увлекательной современной комедии!

— Боже упаси! Даже Театр сатиры мечтает лишь о «Женитьбе Белугина». А остальные худруки, если и берут современную комедию, то только для выездных спектаклей молодёжных режиссёров.

И, ласково положив руку на плечо упрямого янки, он добавит:

— Напрасно артачитесь, мистер Клеменс. Вон даже Шкваркин не выдержал, сделал серьёзное лицо и написал драму с убийствами «Последний день». А что вы думаете: ещё две—три драмы, восемь—десять убийств — и его будет чтить даже критик Бояджиев.

Вечером любознательный Твен попадёт на спектакль «Обыкновенный человек» и увидит в роли лирической героини Киры чудесную комическую артистку Пугачёву. Как известно, её появление в этом амплуа вызвало почти такую же сенсацию, как если бы в роли Дон Карлоса вдруг выступил Ярон.

В антракте на старого Сэма налетит какой-нибудь из темпераментных бойцов бронерецензентской части:

— Пугачёва-то, а? Здорово?

— Вам понравилось? — осторожно осведомится Твен.

— Нет, играет она плохо. Но какова карьера! Это же не какие-то там гротесковые ролишки, а серьёзная роль! И Охлопков — молодец! Выдвигает артистку!

И боец бронерецензентской части опрометью кинется за кулисы поздравлять чудесную комическую актрису с тем, что она становится плохой драматической...

А старина Марк Твен вернётся из театра и начнёт расщеплять атомное ядро психологии одной знакомой дамы, с таким расчётом, чтобы этого расщепления хватило номеров на пятнадцать «Нового мира». И получится ещё один плохой роман, однообразный и томительный, как сибирский тракт осенью.

Евг. БЕРМОНТ

ЖИЗНЬ И ТРИБУНА

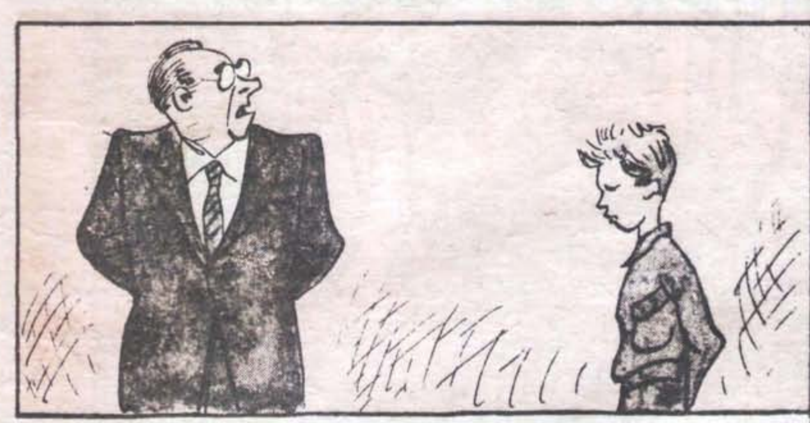
Рис. Бор. Ефимова

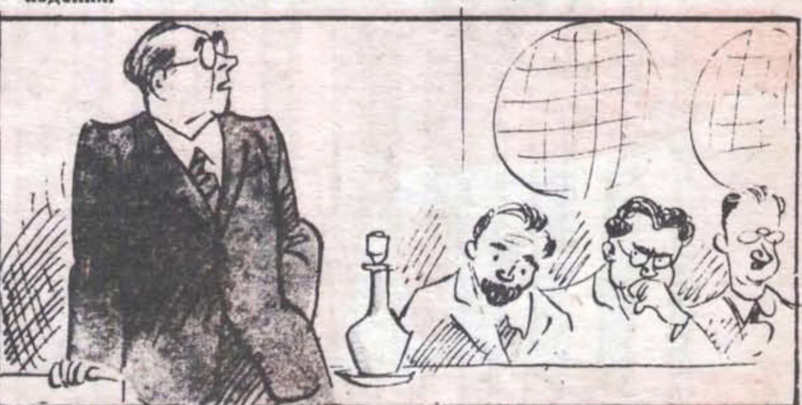
Тов. Златоустенко в столовой сказал официанту:
— Обед никуда не годится!.. Котлеты недожарены, в супе муха.

Докладывая об этом прискорбном случае на столовой комиссии, тов. Златоустенко сказал:
— По линии общественного питания, товарищи, мы имеем на данном отрезке времени недопустимое отставание в вопросе снижения мухопопадаемости в суп и высокий процент недожариваемости мясных изделий.

Дома тов. Златоустенко отчитывал своего сынишку Ваню:
— Опять уроки пропускаешь!.. Опять лодыря гоняешь!.. Когда это кончится?

На родительском собрании примерно ту же мысль тов. Златоустенко выразил с трибуны:
— В части повышения успеваемости нужно добиться решительных сдвигов в деле усвояемости и коренного перелома в области пропускаемости уроков.

— Вот это спектакль! Животики надорвал! — делился в антракте своими впечатлениями с супругой тов. Златоустенко.

После спектакля состоялось обсуждение пьесы. Конечно, слово взял тов. Златоустенко:
— Товарищи, что мы имеем здесь? Мы имеем здесь не голое смехачество и не бодряческое развлеченчество, а насыщенный, глубоко серьёзный смех, помогающий нам вскрыть живого человека и отобразить его во всей широте...

На одном собрании был поставлен актуальный вопрос. Говорили о стиле докладов и о чистоте русского языка. Первым в прениях, разумеется, выступил наш старый знакомый тов. Златоустенко:
— Товарищи! Для обеспечения наличия доходчивости наших выступлений необходимо поставить ребром вопрос красочности и понятности в деле привлечения классических примеров, а также в смысле ликвидации засорения путём очищения нашего великого, могучего русского языка.

Рис. И. Семёнова

— И на огороде то же самое: старый хрен рядом с молодой картошкой.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Был самолюбив. Давая свой адрес, говорил:
— Памятник Пушкину стоит как раз против дома, где живу я.

Ничего своего у него не было: даже от страха кричал не своим голосом.

Сердце — не камень для зажигалок.

Подражает Руссо. Хочеть быть ближе к природе, но не дальше Переделкина.

Нашла коса на парикмахера.

Узкий специалист. Даже сны видал только по своей специальности.

Родился в сорочке и ни разу с тех пор не менял её.

У электрической лампочки жизнь всегда на волоске висит.

Природа её не интересовала. Цветы она знала по шляпкам, зверей — по горжеткам.

Лысина — те же кудри, но в конечной фазе их развития.

Пил с горя, что врач запретил ему пить.

О поэте Н.
— Владеет стихом и дачей.

«Проклятые вопросы» мучили его раз в неделю, когда приходил журнал с кроссвордом.

У него царственный вид: весь рот в коронках!

Из хроники происшествий:
«У драматурга Б. похищены не только рукописи, но и ценные вещи».

Начитанный человек.
— Как?! Вы не читали твеновской «Хижины дяди Тома Сойера»?!.

М. ЯКОВЛЕВ.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

— Я не спала всю ночь, пытаясь придумать, как бы доказать ему, что он для меня ровно ничего не значит.

ПРЫГУН

Молодой человек бежал со всех ног, чтобы поспеть на паром, который должен был вот-вот отойти. Он подбежал к пристани, когда паром оторвался от берега. Молодой человек сразбегу перепрыгнул через узкую полоску воды и растянулся на палубе парома. Минут через пять, отдышавшись и встав на ноги, он окинул взглядом широкую водную гладь, отделяющую паром от берега. Его зрачки расширились, и он изумлённо воскликнул:
— Вот это прыжок!!

СРЕДИ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

— Моя жена выглядит отвратительно!
— Сэр! Прошу вас выбирать выражения! Вы говорите о женщине, которую я люблю!

ПОНЯЛИ ДРУГ ДРУГА

Один любознательный турист-историк, проезжая через маленькую деревушку в горах Колорадо, спросил встретившегося местного жителя:
— Скажите, не рождались ли когда-нибудь в вашей деревне большие люди?
— Нет,— ответил горец,— только младенцы.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Прохожий: — Ск-к-к-ажите, г-г-где зд-д-десь шк-к-кола заи-и-ик?
Полисмен: — А зачем вам школа? Вы и так хорошо заикаетесь.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ НА ВОДЕ

Рис. Г. Валька

— Сколько с меня за два стакана ситро?
— Двадцать рублей...

— Дайте ещё стакан... Мне дурно!

ЕЩЕ О ДЕТЯХ

Нехорошо ведут себя школьники Еревана. Совсем не слушаются взрослых. Вот недавно (7 июня) уважаемая газета «Военное обучение» в корреспонденции «В горах Армении» отправила ереванских школьников в летние лагери.

И что ж вы думаете? Вместо того чтобы расположиться в пригородах Еревана — Арбакир и Ворк,— как пишет газета, непочтительные ребята изволили раскинуться лагерем вовсе в другом месте — в Арабкире и Норке. Причём имеют смелость утверждать, что поступили правильно. Потому что пригороды Еревана, по их словам, испокон веков называются Арабкир и Норк, а не Арбакир и Ворк, как сообщает «Военное обучение».

Ну, что за дети пошли! Прямо ужас!..

ДЕЛО БЫЛО ПОД ПОЛТАВОЙ

Дело-то было под Полтавой, но вот из-за этого дела сейчас в Тюмени возникло новое дело — о неграмотных работниках газеты «Тюменская правда».

Означенная газета посвятила пространную статью Тобольскому музею.

«В этом году, — пишет газета, — Тобольскому государственному музею исполнилось 75 лет. Дом, в котором сейчас находится музей, был построен в 70-х годах прошлого столетия пленными шведами, присланными в Тобольск Петром I из-под Полтавы».

Как известно школьникам из учебников истории, Полтавское сражение со шведами произошло в 1709 году. Следовательно, как легко могут установить те же школьники, пленным шведам, присланным в Тобольск Петром I, при строительстве дома, в котором находится музей, было по меньшей мере лет по 180. Возраст, что говорить, солидный! А вот какого возраста сотрудники «Тюменской правды», которые проявили столь слабые познания в истории и в арифметике? Неужели так и пребывают в младенческом состоянии?!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Управление ростовского трамвая решило бороться с висунами и рассудило так: за что цепляются трамвайные висуны? За ручки! Значит, корень зла — в ручках. Значит, ежели искоренить ручки, не за что будет цепляться и, значит, не будет вовсе никаких висунов. Как эта простая и гениальная мысль никому не приходила в голову раньше?!

Сказано — сделано! Отныне в Ростове трамваи курсируют без ручек. Висуны в Ростове ликвидированы как явление. Но одна мелочь: попасть в вагон, лишённый ручек, не так-то просто. Без некоторых навыков в области эквилибристики этого не сделать. Ну, что ж, это пустяки! Придётся открыть при управлении трамвая школу циркового искусства. За этим дело не станет!

В. МИХАЛЕВИЧ

Ростов на Дону.

Товарищ Крокодил!

Газета «Омская правда» в передовой статье «За благоустроенные города и сёла» (№ 103 за 27 мая сего года) обвинила наш районный центр Черлак в том, что он «потерял былую красу». Вот тебе и раз! А мы-то думали, что, рассадив за время войны хороший общественный сад, построив баню и каменный дом, наоборот, благоустроили Черлак!

Выходит, ошиблись. Понастроить понастроили, но совсем упустили из виду, что и новый сад, и новая баня, и новый каменный дом заслонили собой былую красу, по которой так тоскует уважаемая редакция.

Б. СОЛОМОНОВ,
ответственный секретарь районной газеты «Большевик»

Село Черлак, Омской области.

Дорогой Крокодил!

Между ивановскими пушкинистами возникли большие разногласия по поводу знаменитых строк поэта: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...» Одни утверждают, что Пушкин имел в виду заведующего Ивановским горкомхозом тов. Макарина.

«Посмотрите на тов. Макарина, — с пеной у рта убеждают они своих оппонентов, — когда он стоит на Ленинградской улице и величественно взирает на огромную лужу, раскинувшуюся во всю ширину мостовой, и вам станет ясно, что только про Макарина это могло быть сказано».

«Ничего подобного! — ехидно возражает другая группа. — Вчитайтесь повнимательней в текст. Там ясно сказано: «...дум великих полн». А если бы Макарин действительно полон был дум, то ни о какой луже не было бы речи!..»

Спор на том же месте. Лужа — тоже.

Юр. АНЧАРОВ

г. Иваново.

Уважаемый Крокодил!

В связи с перенумерацией в Кургане жилых строений нашему дому по Советской улице присвоен новый номер, 27, ранее принадлежавший городской тюрьме. Однако письмоносцам эта реформа не понравилась. Поэтому всю корреспонденцию, адресованную жильцам нашего дома, они доставляют в тюрьму. Тем самым положен конец нашей переписке с родными и знакомыми.

Выйти из создавшегося положения можно двояко.

Первый выход заключается в том, чтобы почтовики акуратно выполняли свои обязанности. К сожалению, это им не по вкусу.

Второй выход в том, чтобы жильцы поселились в тюрьме. По понятным причинам такая перспектива их не устраивает.

Какой же выход из этих двух выходов?

Инженер Е. ФЕДЯНИН

Курган.

ЗНАТОК

Рис. С. Герштейна

— Вечная путаница с этими каталогами: здесь сказано масло, а на картине изображены фрукты.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда".
Москва. Изд. № 571. Подп. к печати 21/VIII 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
А 21653. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1716. Тираж 100.000 экз.

ЗА ТУАЛЕТОМ

Рис. И. Семёнова. Стихи И. Волгина.

К чему скрывать! За шесть военных лет
(Не до красот мне было в эти годы)
Я запустил свой штатский туалет
И вообще — отстал от мирной моды.

Я возмужал. Лицо моё — в пыли,
В дыму боёв. Шесть лет — сплошные битвы!
Я тороплюсь стереть с лица земли
Агрессоров — и действую в три бритвы.

Сталь не дрожит в уверенной руке.
Ещё момент! Намылить Франко шею,
Японский прыщ (висит на волоске)
Убрать с лица — и я похорошею.